

Класс (курс) обучения участника:

1 курс

Тематическое направление:

"И 100, и 200 лет пройдем, никто войны забыть не сможет."  
(К. Симонов): 2020 - Год памяти и славы.

Жанр сочинения:

Рассказ

Тема сочинения:

Последний бой

Полуденное солнце ницало нам. Казалось, раскаленный воздух, прожигнув в легкие, обжигал, мучил, жгло. Еще один вздох, и грудь разорвалась от потающего внутри огня. В горле пересохло, одножесткие глотки воды, хотя бы один глоток. Сквозь сжатые губы вырвался мужественный шепот: „Тимь!“

Андрейка открыл глаза. Мерный шум копел санитарного эшелона стучившая каждая мимолетно. И путь этот летит в неизвестный Андрейке край.

- Тимь! - грудь жгло огнем кастеринской боти. - Тимь!

- Потерти голубчик. - над Андрейкой склонился совсем юное лицо лейтенанта. - Потерти...

К лицу раненого восемнадцатилетнего солдата при-  
коснулась смоченная в воде тряпица. Пересохшие губы  
ощутили капельки дождевой влаги. Перестук ко-  
лес убавлялся, уносил Андрейку в далекий, почти забы-  
тый мир...

- А знаешь, о чем я мечтаю? - растянувшись на  
горьком пекле, закинув руки за голову, глядя на белые  
облака, медленно позуящим в голубом небе, спросил Вад-  
ка. - Вот сюда экзамены, и в школу. Хочу, как Чапков!  
Май знаешь парить птицей.

- Здорово! А я в медицинский, как отец хирургом бу-  
ду. У нас в семье все по врачебной линии. - поправив на  
носу сползающую очки, серьезно прошепел Марк. - А Андрей-  
ка у нас ясно кем будет. Он с дедушкой мог бы строить  
городо сказочной красоты.

- Признавайся, Андрейка, о чем сейчас мечтаешь? -  
раздался насмешливый голос Ани.

Андрейка вздрогнул. Вспомнил запах щеки Приютившей,  
что больше всего ему кошмарился сейчас допроситься до  
светлых волос, выгоревших на солнце, этой озорной  
девочки с восторженными на вздернутом носике, смущенно  
моргившейся от яркого июньского солнца? Да ни  
за что на свете!

- А я мечтаю купаться! Кто со мной?! - и вскакив, бросил-  
ся к реке. Вдальта слышном, визгом за ними! Ротом радуж-  
ных брызг, освещающих пропадаю речной воды, зали-  
вистой смел и ощущением счастья!

... Новый приступ боли вновь вздернул Андрейку из забытия.  
Перестук колес, джота, смол, доносящийся справа. Вы-  
звано закоптелось плакание от бесшумно перед болью, от



собственной бессиленности. Нет, он найдет в себе силы вытерпеть, обзавестись выдержанно, выстоять.

... Возвращались с реки загоревшие, пропавшие, утомленные, но счастливые. И счастливыми их делали и мечты о будущем, и их крепкая дружба, и предчувствие первой любви. Все унеслось в уходящий трамвай, еще шутить, подтрунивать друг над другом, но какими-то несезонными чувствами понимали: что-то произошло, в воздухе висит туманная тишина, лица людей в попутном трамвае странно сосредоточены.

Выйдя во двор дома, Андрейка увидел бегом навстречу запыхавшую маму.

- Война, сынок, война...

... Ветер справа не прекращался. Андрейка, едва успев, медленно повернул голову. На соседней полке летит потемневший солдат, укрывший шинелью, на которой расплывалась кровавое пятно.

- Ветра! - закричал Андрейка, и вдруг понял, что с его губ сплывали едва различимой шепотом. - Ветра!

Но по проходу вагона уже спешила женщина. Отвернувшись к спине, Андрейка успевало закрыть глаза...

- Не пущу! - отчаянный голос мамы пронзительно прерывал тишину. - Не пущу! Ветер! - и, уткнувшись в новенькую шинельку сына, застыла в бездумном тупике...

Андрейка как нальву увидит небольшую кошечку, в которой они жили с мамой: грань на подоконнике, книги на старинной этажерке, раскрытый альбом с рисунками городов, которые ему так хотелось по-

искрошью.

-Найди, мама. Я не могу иначе. Все наши идут. И Волка, и Марк... Ты не плачь, мама, разобьешь грашметки гайдов и долой вершины. Обязательно вернутся. Я обещаю.

Но привозапанной площади было многолюдно. Взрослые маньячки укладывали на фронты. Коротко стриженные, в военной форме, они выглядели взросло. Андрейка гладит по плечу прижимающую к нему маму, сразу ставшую мамочкой, беспомощной, а глазами искал ее... Все и она. Смотрит на него испуганными глазами, губы шипят что-то неразборчиво. Андрейка как сейчас вводит веснушки на побледневшем лице и выбившуюся из-под сбившейся набок брета прядь беспорядочных волос, еще как нищую лаской, сонными и кажающимися теперь такими дождями счастливыми...

- Совсем проп, - голос доносимый издалека возвращает Андрейку в крепостанной потем, кровью болно валил.

Сквозь ресницы видит серьезное лицо потянутого доктора и склонившего над собой медсестру, держащую ему укол. Он совсем не чувствует т боли... как тогда...

... Они ждали в склоне, отидала приказа наступать. Это был его первый бой. Было ли страшно? Да, было. Он чувствовал, как по нему пробегает предательская дрожь.

Там, в учебке, будущими сиротками котенок поскорей попалась на передовую. Были гайдов-грашметков. Были так, чтобы от кошотки, сверкнувшей родною землей, ни оставось и следа. Война же ему было страшно: сможет ли он встретиться с человеком? Странно по карманным машинкам, вчерашние маньячки как-то не задумывались об этом: все казалось вечным и понятным. Лето в



вырвал окоп, он думал о маме, о школе, о друзьях. Там они сейчас? Он знал лишь, что Вовка, закончив ускоренные летние курсы, тоже воюет, а о Марке ничего неизвестно. Думал об озорной девочке Ане с забавными кошачками и веселюшками на носике. В очей пошлось в бой, чтобы хоть на минуту ускорить победу, приблизить те дни, когда вновь можно учиться, работать, как прежде, до войны! Сидеть у станка, покоряющим небесах прессовать, обрабатывать, побеждающим изумленным боевым, ступенчатым, возмущающим войну города. Но, чтобы все это стало реальностью, он, восемнадцатилетний Андрюшка пойдет в бой, ради справедливости ради будущего ради победы. Впервые встретится. Андрюшка вновь видит свой первый бой. С криком «За Родину!» бросился в атаку... За маму! За друзей! За proud воевать, как никогда счастливым! За свои мечты! За свои многогранные города! И встретится! Умер! Потому что не человек был перед ним, а фашист, пришедший на Андрюшкину землю убивать стариков, женщин, детей, тех городов и сел. Андрюшка видел как падали товарищи, сраженные вражескими пулями, видел дуло танка, направленного на него. Вырвав чеху зрелище, он не струсил, не отступил. Андрюшка даже не поинтересовался, как вы прощались: просто что-то сильно ударило в грудь, как будто на что-то налетел с размахом, стало жарко, затем в груди... и жизнь прощия: «Бой не закончен, а я...»  
 ... Сейчас, лето в санкт-петербургском вагоне, Андрюшка пошлось мысли: встать на ноги, чтобы поскорей вернуться в родную воинскую часть. Ведь он так мало успел!

Всего лишь один бой...

И под стук колес Андреева устало закрыл глаза...  
На старом Бунинском кладбище в Заревом Алтай-  
ском крае есть мемориальный комплекс. На белых об-  
елинских плитах имена воинов, скончавшихся от ран в во-  
стающем городе Барнауле. Среди многочисленных имен есть  
и имя Андреева, в жизни которого был всего лишь один бой.  
Он навсегда остался великодушным человеком как и его друг  
Вовка, направивший свой самолет на крепость немецких  
авиационистов, и Марк, расстрелянный только за то, что  
еврей и девочка Аня, бывавшая в партизанской опр-  
де и замученная в драматических условиях, и тысячи  
таких же мальчишек и девочек, не сдержавших  
данное маме обещание обязательно вернуться. Всеми  
нашими детьми, в жизни которых был всего лишь  
один бой, отдавших свои жизни за мир на нашей зем-  
ле, за право жить самим собой мечтая стать лет-  
чиками, врачами, за право возводить новые города,  
за право быть счастливыми, за право быть людьми...